

Чёрный Туман явно не собирался давать Цышэну возможности заговорить. Он властно завладел всем вниманием юноши, яростно и жадно целуя его, словно голодный волк, набросившийся на добычу.

На самом деле Чёрный Туман был до крайности доволен. Не в силах сдержать порыв, он нетерпеливо принялся вкушать сладостный плод, которого так долго жаждал. Ему было совсем не до разговоров с таким послушным и мягким Цышэном.

Если бы остальные ученики не ушли так быстро, они могли бы стать свидетелями странной картины: Цышэн стоит в одиночестве, беспорядочно хватая рукой воздух, его изящное личико насильно запрокинуто, алые губы приоткрыты, и лишь невидимые потоки воздуха сплетаются с его языком.

Густая, пронизывающая боль, волны сладостной дрожи, бегущие по позвоночнику, и жгучий стыд от того, что всё это происходит на виду у всех — всё это охватило Цышэна, заставив его задохнуться от бессильной ярости.

В глазах невольно выступили слёзы, но он тут же яростно смахнул их и, собрав последние силы, отпрянул назад.

Цышэн тяжело дышал.

Казалось, у этой сущности не было ни малейшего желания вести диалог, да и сам он больше не рассчитывал на какое-либо общение, находясь здесь. Какой бы толстой ни была кожа, позора не оберешься.

Цышэн не хотел снова угодить в пасть хищнику. Опершись на колени, он перевел дух и поспешил вслед за остальными. Стоило ему сосредоточиться на чем-то другом, как эта тварь теряла возможность действовать наглее.

Многие ученики уже занялись своими делами: кто-то подметал, кто-то приводил в порядок книги, а кто-то встречал посетителей в переднем зале. Снаружи, у входа в родовой храм, показалась бледная, изможденная женщина. Едва она вошла, как её тут же окружили настоятель и несколько послушников.

По правде говоря, Цышэн не был официальным учеником, он пришел сюда лишь на подработку, чтобы закалить себя. Взяв в руки сутру, он не стал читать, а повернулся, чтобы получше разглядеть гостью.

Сам он не слышал звуков, но это не мешало ему быть внимательным наблюдателем.

Должно быть, это и была та самая женщина, о которой говорили утром — та, что просила изгнать злых духов.

Она привезла с собой коляску, с которой уже успела сдернуть полог. Сама женщина выглядела совершенно разбитой, казалось, она не спала уже много ночей. Темные круги под глазами выглядели пугающе. Она судорожно вцепилась бледными пальцами в подлокотники кресла, то и дело опуская голову.

Настоятель поднялся, поклонился женщине и, наклонившись, принялся расспрашивать о случившемся.

Женщина внезапно вскочила, в волнении схватив настоятеля за рукав.

Окружающие ученики вздрогнули от неожиданности. Собравшись в кучку, они начали перешептываться, с изумлением глядя на её руки.

Только когда она встала, Цышэн заметил: если на тыльной стороне ладоней кожа была чистой, то на ладонях расплзлись сине-фиолетовые вены, напоминавшие жуткую паутину, которая, судя по всему, тянулась дальше, под рукава.

Настоятель, самый невозмутимый из всех, даже при виде этого ужасающего зрелища не выказал особого удивления. Он лишь мягко отстранил руку женщины от своего рукава и указал в сторону стола, где стоял Цышэн и другие послушники.

Цышэн повернул голову и увидел на столе горячую воду.

Никто из учеников не решался сдвинуться с места.

Глядя на испуганные и любопытные лица товарищей, Цышэн подавил свои мысли, подошел к столу и налил чашку свежесваренного чая.

Увидев, что это сделал именно он, настоятель кивнул. В его взгляде читалось одобрение, смешанное с чем-то сложным. Осторожно приняв чашку из рук юноши, он поставил её перед женщиной.

Женщина нервно покосилась на чай, дрожащими руками поднесла чашку к губам и выпила всё до дна, не заботясь о том, что вода обжигающе горячая. Затем она обхватила чашку ладонями, словно пытаясь скрыть свои странные отметины.

Настоятель не торопил её, продолжая молча стоять рядом.

Воздух внезапно стал тяжелым и неподвижным.

Парень Лу Яньянь подошел к Цышэну, дернул его за рукав и, потрясая листком бумаги, поспешно оттащил подальше от женщины.

Цышэн в недоумении уставился на написанное:

— Цышэн, у тебя слабое здоровье, отойди подальше. Ты знаешь, зачем эта женщина пришла в храм?

Цышэн послушно отступил на пару шагов и честно покачал головой.

Тут же к ним сбежались остальные послушники — молодые люди лет двадцати. Столкнувшись с подобным, они уже не могли сохранять прежнее спокойствие и начали наперебой строчить сообщения для Цышэна:

— Мы узнали, когда встречали её: она пришла в храм вовсе не из-за того, что происходит с ней самой! То, что у неё на руках — это еще цветочки, по сравнению с тем, что... ну, ты понимаешь.

Цышэн в недоумении склонил голову. В глазах Чёрного Тумана этот жест выглядел еще очаровательнее. Холодная, пробирающая до костей аура привычно окутала юношу. Цышэн усилием воли проигнорировал это и продолжил читать:

— Она сама призналась, что тайно сожительствовала с кем-то из богатого и влиятельного рода и родила ребенка. Но кто бы мог подумать, что младенец родится с врожденным уродством, словно проклятый: всё его тело было покрыто такими же сине-фиолетовыми венами, а сам он — с синим лицом, клыками и красными глазами, точь-в-точь как чертенок из ада.

Цышэн широко раскрыл глаза, его губы слегка приоткрылись.

<http://bllate.org/book/22196/2313440>